

Добрыня и Алёша (14)

Как во стольном во городе да во Киеве
Как у ласкового князя да у Владимира
Заводилося пирóванье-столóванье, почестен пир.
Все были на пиру да собраны:
Бедные, богатые и средние
Сильные-могучие богатыри.
Все на пиру да принаедалися,
Все на пиру да принапивалися.
Стали они очень веселы,
Стали они каждый хвалиться:
Сильный хвастат своей силушкой,
Богатый хвастат золотой казной,
Умный хвастат своей старой матушкой,
Безумный хвастат молодой женой.
Тут-то слушал да князь Владимир со своей княгинею,
Слушал и встаёт и говорит таковы слова:
«Кто же из вас да добры молодцы,
Мог бы съездить к моему тестю —
Очистить дороги прямоезжие,
Прямоезжи дороги да были засорены:
Там залегла да чудь неверная!»
Тут все да на пиру приумолкнули,
Все стали друг за дружку прятаться:
Сильный прячется за среднего,
Средний прячется за малого,
А от малого и ответу нет.
Тут да встаёт Добрыня Никитич
И говорит таковó словó князю Владимиру:
«Я съезжу, да князь Владимир,
Съезжу и очищу все дороги прямоезжие,
Тебе дорогу к тестю милому!»
Тут Владимир-князь да подсказал:
«Налейте ему чару зелена вина,
Подайте ему, Добрынюшке!»
Тут подносят ему чару <...>

Наливают чару полтора ведра
И дают ему чару <...>
И берёт он эту чару единой рукой,
И выпивает ее да на единый дух.
Вот пошел он домой да зашатался,
Зашатался и загорюнился,
Загорюнился и запечалился,
Повесил свою головушку.
Приходит да ко своей матушке, к Настасье Тимофеевне
(И говорит-то её таковы <...>)
А она говорит ему да таково слово:
«Что же ты, Добрынюшка, невесел так?»
(А Добрыня говорит <...>)
«Что же ты так невесел стал?
Может, тебя, — говорит, — обнесли чароцкой?
Или, может быть, тебя сильно поизобидели?»
«Нет, меня, мамаша, — говорит, — никто меня не избидел,
Никто меня не обнёс чароцкой.
А тут мне-ка дал наказ Владимир-князь:
Очистить дороги прямоезжие
К моему тестю любимому».
Снял он платье скоморошное
И попросил у матушки у своей:
«Дай мне, — говорит, — платье неси богатырское!»
Тут она несет ему платье богатырское.
Он одевает платье богатырское.
И полностью оделся. И сел он на коня.
А его жена <...> его жена ещё и не знала,
Сидит она там во своей комнатке.
Манельфа Никулична, жена его.
А тут приходит к ей матушка
И говорит ей таковó словó:
«Ты ничего не знаешь, никакү невзгодушку —
У тебя Добрыня уезжает!» — говорит.
Тут она побежала.
Сидела она в одной сорочке
И в одних тоненьких чулочках,
И подбежала она ко Добрыне Никитичу.
(А он уже в полном снаряжении!)

И говорит ему таково слово:
«Куда же ты поезжаешь?»
Он все про это рассказал:
«Очистить дороги прямоезжие
От той чудь да неверной к тестю любимому!»
А тут Манельфа Никулична и говорит ему:
«А когда ты вернешься обратно?
Сколько тебя время ждать?»
Он ей и говорит: «Год жди,
Не приеду — два жди!
Если не приеду, — три жди!
Не приеду — то не считай меня живым,
Тогда можешь идти взамуж, за кого ты хочешь:
Хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за богатого, хоть за бедного.
Только не ходи ты за сильного могучего богатыря,
Только не ходи ты за Алешу Поповича.
А поповские робы завидущие,
Руки загребущие —
Они увидят хорошее платье на человеке —
И может он пропасть безвинные».
Тут Добрыня запоезжал. Поехал он.
Первый скок скочил — за пять верст,
Второй скок скочил — не могли найти.
Уехал он там разгуливать
И бить он эту чудь неверную.
А она осталася дома,
Дома она осталася ждать его.
Ждет его, в окошечко поглядывает.
День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растет,
Год за годом — как река бежит.
Прошло времечко — целый год,
Нет Добрыни из чиста поля.
Она и стала ждать второй год.
Опять таким же побытом:
День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растет,
Год за годом — как река бежит.

Прошёл и второй год, —
Нет Добрыни из чиста поля.
Она и стала ждать третий год.
Третий год стала ждать опять так же:
День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растёт...
И прошёл третий год —
Не вернулся да Добрыня Никитич.
И она не стала его уж... пожалуй, задумалась,
Задумалась и запечалилась:
«Что же мне-ко-сь делать?»
Выполнила я заповедь мужьину,
Возьму еще выполнить заповедь свою:
Возьму еще ждать три года».
И опять таким же побытом стала она ждать:
Опять день за днем как будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растёт,
Год за годом — как река бежит.
Прошел год, потом и прошел второй,
День за днём и год за годом.
И прошёл второй год.
И стала последний год ждать,
Опять, последний год ждать.
А уж последний год — прошло время шесть лет.
Тут приезжает да Алеша Попович из чиста поля,
Приезжает из чиста поля...
Добрыня разъезживал
И бил силу всю нечистую,
И очищал он дороги прямоезжие.
Когда он уже всех повыбил
И ездил по полю, разгуливал,
Ездил-разгуливал,
Где чтобы не было никаких засорений, людей неверных.
Тогда он взял да лёг отдохнуть,
Лёг отдохнуть, разложил свой шатер.
И лежит, спит богатырским сном.
А Манельфа Никулична уже замуж выходит там.
Тут конь стучит, стучит ногами:
«Что ты спишь да Никитушка?»

У тебя ведь очень большое невзгодие:
Тут твоя жена Никулична
Походит замуж за Алешу Поповича, —
Ты спишь, прохлаждаешься».
Тут он вскакивает, быстро коня напоил
И сейчас начал лошадь седлать.
Лошадь оседлал полностью
И поехал он домой застать эту свадьбу, как говорится.
Реки не спрашивал:
Большие реки он вплавь ехал,
Мелкие речки с крежа на креж перескакивал,
Мелкие леса промеж ног спускал.
И приезжает он на... во свой двор,
Привязывает коня ко столбу дубовому
И идёт он, приворотников отталкивает,
Придверников отталкивает.
И заходит в гридню столовую.
Крест кладет по-писанному,
Поклон ведет по-ученому.
А тут идут да все жалуются —
Придворные жалуются,
Приворотники жалуются,
Придверники жалуются:
«Какой-то приехал невежество, всех нас отталкивает:
И пору не знает, и все идет мимо».
А она и говорит таково слово:
«Ой ты добрый молодец!
Если бы был, — говорит, — у меня сын Никитушка —
Не зашел бы ты к нам в дом да не командовал!»
А тут и говорит Добрыня Никитич:
«А я самый и есть твой, — говорит, — сын Добрынюшка!»
Она не верит:
«Нет, не может быть.
У моего сына есть на правой ноге родимое петнышко.
Ну-ко скинь-ко-ся со правой ноги да сапог».
Он быстро снял сапог,
Она посмотрела: само то петно.
Тогда она заплакала.
Добрынюшку обняла и говорит ему таково слово:

«Твоя, — говорит, — жена ушла взамуж.
Сёдни ведётся пир во полупира!»
Он и говорит ей таковы слова:
«Возьми мое платье богатырское
И дай мне платье скоморошное,
И дай мне гусли шелковые —
И пойду я на свадьбу,
На свадьбу ко князю Владимиру!»
Свадьба у князя Владимира,
Там свадьбу-то делают, у князя Владимира.
И зашел он к ним на бал, на свадьбу.
На бал свадебный зашёл и сел на печной столб,
На печной столб сел и стал играть в гусли.
В гусли заиграл — эта игра всем гостям понравилась.
А княгиня сидит Никулична
И думает такую мысль:
«Игра сама-та, как вот у моего Никитушки!»
А тут князю Владимиру со своей княгиней Апраксией,
Это им очень понравилось.
И князь и говорит таково ему:
«Слезай-ка ты да с печного столба
Да садись-ка ты за дубовый стол.
Даю тебе три места:
Первое место даю тебе возле меня,
Второе место даю супротив меня,
Третье место даю — куды сам желаешь».
Тут Добрыня не сел возле его,
И не сел Добрыня супротив его,
А сел Добрыня да против княжны, своей жены.
И заставил князь Владимир:
«Налейте ему чару зелена вина!»
Наливают ему чару зелена вина.
Он к роту подносил эту чарочку —
И отнес быстро.
И подает эту чарочку да своей жены:
«Ну-ко-ся, княгинушка, выпей от меня чарочку!»
И она взяла эту чароцку,
И пьет, и останавливается.
«Пей, говорит, до дна — увидишь добра,

Не выпьешь до дна — не увидишь добра!»
Велит её насилу пить, чтобы она выпила все.
Она пила эту чароцку и допивает до дна, —
И подкатился ей этот перстень именной,
Ейной именной, которым они обручались.
И она взяла этот перстень и налаживает на руку.
Посмотрела и узнала.
И говорит таково слово всем гостям:
«Не тот муж, — говорит, — который возле меня сидит,
А тот муж, — говорит, — который возле меня!»
Тут у Добрыни сердце разгорелось.
И он схватил Алешу Поповича за желты кудри
И потащил через стол.
И хотел его бросить о кирпичный пол,
И разбить его хотел головушку.
Но тут подбежал Илья Муромец
И захватил его сзади за сильные руки:
«Брось бить, — говорит, — человека безвинного!
Тут, — говорит, — виноват сам Владимир-князь.
Они со своей княгинеею Апраксией,
Они, — говорит, — ему сосватали!»
(Тут я вот дайче пропустил немножко.)
И тогда взял Добрыня Никитич свою жену
И повёл домой —
И увёл ко своей родимой матушке.
(Вот тут и про Добрыню песня вся.)

(Зап. В. И. Харитоновой в январе 1978 г.: д. Лебское Лешуконского р-на — от О(А)ксенова Егора Трофимовича, 87 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.